

Круглый стол

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

5-я часть

начало в № 4–7 за 2010 год

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович –
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института
российской истории
РАН
kuroneko@list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович –
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
философии
Московского
университета МВД
России, доцент
УНЦ «Новая
Россия. История
постсоветской
России» РГУ
marchenyar@mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич –
старший
преподаватель
кафедры
общественных
наук Института
гуманитарного
образования и
информационных
технологий;
координатор
проекта «Народ и
власть в российской
смуте»
razin_sergei@mail.ru

Н.В. Липатова:

На смуту можно взглянуть сквозь призму образов революции. Когда я студентам задала вопрос о том, какие образы смуты, революции, реформы существуют в их сознании, то получила два разных ответа. Информатики ответили, что это неправильная установка Windows – поставили новую, а прежнюю не удалили. Дизайнеры ответили, что спорить не о чем: когда «смутно», то и объяснить невозможно. Правда, по их мнению, жить в такой ситуации можно. С революцией, напротив, все понятно – так жить дальше нельзя.

Несмотря на внешнюю несурзаицу, в ответах есть определенная логика. Дело в том, что во время смуты ломаются какие-то механизмы, которые раньше более или менее исправно функционировали. Их приходится заменять на ходу. Предположим, власть не может использовать в своих интересах армию. Если вспомнить 1917 г., то окажется, что наибольшую проблему представляли солдаты тыловых гарнизонов. Они попросту грабили население.

В.П. Булдаков:

И винные склады тоже.

Н.В. Липатова:

Все это превращалось в кошмарную картину. Прежние механизмы сдерживания смуты уже не работали. Но справиться с винными погромами при большевиках могли красногвардейцы. Разумеется, от спонтанного противоборства солдат и красногвардейцев и возникло ощущение смуты. И.М. Дьяконов применительно к подобным ситуациям ввел в научный оборот такое понятие, как «тотальный общественный дискомфорт».

В.П. Булдаков:

Да, недовольны бывают все. Об этом, кстати сказать, прекрасно написал еще Салтыков-Щедрин. Я в свое время «Красную Смуту» заканчивал его цитатой.

О.Г. Буховец:

Накануне 1985 г. тоже все были недовольны.

В.П. Булдаков:

Кстати сказать, Ленин в связи с этим фактически сформулировал психологический закон начала революции. Согласно Ленину, революционная ситуация характеризуется состоянием всеобщего недовольства, когда «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по старому.

Н.В. Липатова:

Да, но я не совсем согласна с тем, что смута может закончиться революцией, а может и не закончиться ею.

В.П. Булдаков:

Смута может включать в себя революцию.

Н.В. Липатова:

В смуте присутствуют механизмы, допускающие возврат к прежнему, пусть в несколько внешне измененном виде. Что касается

революции, то она предполагает тотальный разрыв со старым. В 1920 г. школьников попросили составить своеобразный хит-парад литераторов. В связи с этим они поинтересовались: «А революционер может писать стихи? Он может сочинять?» Получив утвердительный ответ, они поместили на вершину литературного хит-парада вождей революции Пушкина. За ним последовали Троцкий, Ленин, Калинин и т.д. Смутное время вызывает смещение исторических имен и понятий. Современные школьники тоже путают, например, Сталина со Столыпиным. Я все время задавалась вопросом: «Почему так?» Ответ был таков: «Потому что один занимался аграрной реформой, а другой коллективизацией. Плюс первые 2 буквы в фамилиях совпадают. Что вы от нас хотите? Мы их путаем».

В.П. Буддаков:

Должен заметить, что революционный цикл включает в себя реставрацию, термидор, откат к старому. Что касается собственно смуты, то ее можно понимать как метафору, отражающую тотальное непонимание происходящего, включая испуг перед содеянным.

А.А. Белобородова:

Сегодня говорили, что накануне революции власть обнаруживает слепоту и бездеятельность. Цензурная политика правительства в начале XX в. наглядно иллюстрирует это. Так, в печать повсеместно просачивались всяческие недозволенные материалы, фактически велась активная пропаганда социалистических идей. Об этом писал в конце XIX в. Плеве. Из провинции постоянно поступали жалобы на неэффективность существующего порядка цензурирования. Булыгин в 1905 г. подготовил записку о необходимости внесения изменений в цензурное законодательство. Он предлагал создать бюро печати, которое действовало бы в судебном порядке. Он предлагал также материальную поддержку той прессе, которая транслировала проправительственные взгляды. Схожие проекты направляли на высочайшее имя и другие деятели.

Частично их предложения были реализованы. В частности, появилось Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати. Но чем оно занималось? Этому бюро было вменено в обязанность составление докладов о направлении прессы, которые представляли

собой выжимки, делавшиеся для высших лиц государства и руководителей различных ведомств. И это, в общем-то, все. На этом власть остановилась.

В 1905 и в 1914 гг. были разработаны 2 проекта реформ цензурного ведомства, которые так и не были проведены. В общем-то, цензурная политика правительства себя не оправдывала. Поэтому если говорить о смуте, то стоит вспомнить, что рыба гниет с головы. Власть должна уметь вовремя пресечь дезинтеграционные процессы.

С.В. Карпенко:

Все характерные черты «второй русской смуты» проявились в истории Белого движения. Среди них — управленческая анемия «верхушки» Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии и т.д. Решающими факторами, определявшими эти процессы, были война, угроза распространения большевизма на всю территорию России и углубление экономического кризиса в стране. В условиях кризиса резко ухудшилось положение чиновничества. Это стало причиной бурного роста взяточничества и казнокрадства. Осенью 1919 г. ситуация стала невыносимой. В декабре того же года чиновникам были установлены новые месячные оклады, а также была дана прибавка на дороговизну. Но и это не спасло ситуацию. Последовавший из-за поражения деникинских войск скачок цен привел к тому, что жалование чиновников упало до 25–30% «голодного» минимума одного человека. Весной и летом 1920 г. в Крыму жалование чиновников со всеми прибавками покрывало от 5 до 25% семейного прожиточного минимума. Чиновникам ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, заниматься казнокрадством.

Почву для коррупционной «смычки» чиновников и предпринимателей создало бюрократическое регулирование экономики, проводившееся правительствами Деникина и Врангеля. Прежде всего, это относится к сфере внешней торговли. Поскольку в условиях гиперинфляции производство не давало «нормальной» прибыли, предприниматели направили свои капиталы во внешнюю торговлю, стремясь за счет вывоза сырья компенсировать все убытки, понесенные от хозяйничанья большевиков. Они добивались от правительств Деникина и Врангеля

полной свободы торговли. Попытки регулирования внешней торговли они встретили в штыки. Но практически тут же ими был найден «эффективный» способ противодействия — раздача взяток чиновникам, причастным к торговле. Мздоимство среди чиновников приобрело небывалые масштабы: за выдачу торговым фирмам разрешений на вывоз сырья с юга России они требовали взятки, размер которых доходил до 50% ожидаемой прибыли.

Деникин и Врангель пытались бороться с взяточниками и казнокрадами, принимали законы, карающие мздоимцев и спекулянтов путем конфискации имущества, каторги и даже смертной казни. Официозные газеты взывали к патриотическим чувствам: «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!» Это не подействовало. Врангель пошел на введение государственной монополии на экспорт зерна. Эта мера вызвала сильнейшее недовольство массы торговых фирм. На правительство посыпались обвинения в «стеснении торговли», в «удушении частной инициативы». Чем жестче становилось регулирование и мелочнее — регламентация внешней торговли, тем изобретательнее и циничнее становились предприниматели.

Таким образом, в условиях смуты на Белом юге бюрократия выродилась в корпорацию «торговцев Россией». «Военно-экономический союз» бюрократии и буржуазии ускорил разложение белого тыла в 1919—1920 гг., и тем самым способствовал поражению Белого движения на юге России.

В.П. Буддаков:

Все это очень напоминает наше время.

И.А. Анфертьев:

Одно и то же социально-политическое явление в истории России одни исследователи называют смутой, другие — революцией. На мой взгляд, судить нужно по их конкретным социально-экономическим последствиям для страны. Я считаю, что революция уничтожает препятствия на пути прогресса, кардинальным образом изменяет всю жизнь общества. При этом прежние государственные и общественные институты ликвидируются навсегда. А в результате смуты социально-политический строй сохраняется, государственные институты остаются.

В связи с этим, видимо, пришла пора пересмотреть оценку событий 1905—1907 гг. в России, которая является традиционной

для отечественной и западной историографии. Первой русской революцией они были названы по идеологическим соображениям. На мой взгляд, эти события были именно смутой, которая повлекла за собой лишь некоторую модернизацию социально-экономического строя. К этому можно добавить, что смута может предшествовать революции, но революция может произойти и без нее. Пример — революция августа 1991 г. в России, когда в достаточно мирной обстановке Советский Союз распался, а советская власть и ее становой хребет в лице КПСС ушли в небытие.

На мой взгляд, в конце 20-х — начале 30-х гг. произошла еще одна революция. 1930 г. едва не оказался для Сталина роковым. Средств на продолжение индустриализации катастрофически не хватало. Ускорение темпов коллективизации привело к обнищанию народа и голоду. Современникам генсека казалось, что миф о его политической неуязвимости вот-вот будет развеян. Но, в отличие от своих соратников и деятелей оппозиции, Сталин умел не только предвидеть, но и действовать.

Это хорошо видно на примере так называемого «дела» М.Н. Рютина. 5 октября 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о его исключении из партии. Сталин дал понять обществу, что время дискуссий навсегда ушло в прошлое. Таким образом, Рютин не столько напугал Сталина, сколько помог ему сплотить вокруг себя партийно-государственную верхушку и окончательно утвердить в партии и государстве свой статус единоличного вождя.

Ничего подобного не происходило в начале 90-х гг. Власть не смогла противостоять оппозиции. В сходных конкретно-исторических условиях Сталин действовал как политический прагматик, который ради сохранения власти способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности. Большинство из тех, кто оказывался на его пути, опускали руки, отказываясь от продолжения борьбы.

Руководителей российского государства с некоторой долей условности можно разделить на две категории: те, кому власть доставалась легко, и те, кто самостоятельно преодолевал тернистый путь к ее вершинам. К последним, безусловно, принадлежал и Сталин. Он умел извлекать

из любой ситуации политическую выгоду. Парадоксально, но кризисы только способствовали укреплению режима личной власти Сталина, формированию культа его личности. Преодолевая кризис, он беспощадно расправлялся с теми, кто стоял на его пути к абсолютной власти.

Н.А.Савченко:

Хотелось бы вернуться к вопросу о слепого власти. Здесь об этом достаточно много говорилось. Мой личный исследовательский опыт убеждает меня в том, что власть была не такой уж слепой. Она видела опасность, даже могла спрогнозировать последствия, но не хотела или по каким-то субъективным и объективным причинам не могла предпринять нужных шагов к их предотвращению.

В частности, события начала XX в. заставляют власть обратиться к очень ответственному, на мой взгляд, имперскому институту — чрезвычайному государственному надведомственному надзору сенаторских ревизий. Сенаторы привозили с мест достаточно объективную информацию. Правда, Плева в конце XIX в. начал обследовать регионы с помощью министерских проверок. Власть, однако, предпочла вернуться к институту сенаторских ревизий. Секретные отчеты попадали к императору, обсуждались в министерствах, и в Сенате, и в других высших инстанциях. Они давали достаточно объективную картину положения администрации в различных регионах России. Но никаких практических решений из этого не следовало.

Ю.А. Жердева:

Мое выступление посвящено влиянию «карнавальной культуры» на механизм массовой инверсии ценностей в городской среде и ее связям с революционными процессами. Имеется в виду феномен праздника в революционной культуре России и революционного празднества как агитационного механизма советской власти. Прежде всего, меня интересует карнавал как механизм переоценки ценностей, как форма взаимодействия «народа» и «власти» в условиях стихийной российской «урбанизации» начала XX в.

По сложившейся в научной литературе традиции карнавальная культура приписывается, прежде всего, архаическим обществам (догосударственным, а значит, и догородским в их традиционном понимании), античной культуре и средневековью. Как отмечает М.М. Бахтин, карнавал

чаще всего связывается со средневековой городской средой. На мой взгляд, наблюдения Бахтина указывают на карнавал как на некоторый «архетипический» пласт народной культуры.

Карнавальное действие обладает таким важным свойством, как выплеск витальной психической энергии, репрессивно подавляемой социумом. Будучи социально узаконенными, подобные действия выступают неким механизмом стабилизации, выявляют подавляемые точки агрессии и стабилизируют народное недовольство.

В средневековой Европе карнавальное действие носило, с одной стороны, стихийный характер (выплеск психической энергии), с другой — приобретало существенное влияние на власть, модернизируя систему ее взаимоотношений с народом. В России с нарастанием имперских традиций этот механизм оказался инициирован властью или церковью, постепенно превратившись в «монолог власти». Власть фактически «узурпировала» карнавал как форму народного праздника. Местами проведения карнавала стали города, имевшие в России административную природу. Власть придавала массовым городским «гуляниям» все более государственный характер, даже если внешне эти праздники имели религиозную форму. Можно предположить, что если деревенская среда была для таких празднеств естественной, народной, то городская стала искусственной, административной.

Если в стабильных условиях государственного существования преобладают официальные, «освященные» законом или религией формы организации совместных действий, то в аномальных условиях, таких как революция, — неофициальные («стихийные», «народные»). Такая ситуация сложилась в 1917 г. В ходе революции произошло «переверачивание ценностей», и на смену официальной культуре пришла покоившаяся под ней народная, карнавальная.

Однако «карнавализация» общественной жизни, происходившая в период революции и первоначально имевшая стихийный характер, была быстро монополизирована властью. Теперь «перевернутые» ценности транслировались уже самой новой властью. Легитимация карнавала большевиками осуществлялась путем воссоздания площадных праздничных (похороны «жертв революции», триумфальные

годовщины Октября) или балаганных (например, «поезда революции») представлений. На символическом уровне это было «узаконением» народной культуры, превращением ее в официальную. Власть таким путем утверждала свою «всемирность».

В условиях анархии властные функции брал на себя тот, кто мог предъявить силовые атрибуты власти. Чаще всего это был «человек с ружьем». Однако подобной «власти» требуется признание со стороны большинства, и такое «признание» находится уже в мире символическом. В одном случае оно навязывается путем тотального запугивания населения: в этом случае средством легитимации нового строя оказывается страх. Другим механизмом «признания» новой власти является узаконение ее «справедливого» характера. Карнавализация же должна была остаться механизмом ежегодного подтверждения этого «мандата». Отсюда такое большое значение в советской жизни «революционных» праздников, внешне имевших вид народных гуляний, но на деле полностью контролируемых властями.

Так город, функционирующий за счет социальных механизмов, управляемых властью, постепенно становится центром всей социальной жизни страны. Карнавал для городского общества и государственной системы в целом выступает механизмом рекреации. И если ослабление власти в России к 1917 г. выпустило накопленную и репрессивно подавляемую народную энергию в форме карнавального переворачивания ценностей, то большевистская карнавальная легитимация восстановила разрушенный на время революции механизм контроля власти над карнавальными празднествами, стабилизировав социальную систему и государственный строй в целом.

В.П. Буддаков:

Возможно, карнавал можно рассматривать как прообраз смуты в ее первозданном стихийном качестве. Если так, то теоретически смута может быть переведена в конструктивное русло.

Е.В. Павлова:

Десакрализация власти является важнейшей причиной российской смуты. Симптомы десакрализации царской власти обозначились еще в первой половине XIX в. Идеи Просвещения поставили под сомнение сакральный смысл монархии, а Французская революция и переворот 1801 г. привели к соответствующей рефлексии. Несомненно, свою роль в процессе десакрализации власти сыграла эпоха «дворцовых переворотов». И это несмотря на то что в русском обществе продолжали господствовать традиционалистские представления о власти.

Одним из ярких проявлений начавшегося процесса десакрализации власти стало обсуждение будущими декабристами вопроса о цареубийстве. Среди декабристов было немало тех, кто критически относился к постулату о сакральности царской власти. Взгляд представителей радикального течения на эту проблему не был однозначным.

В свое время А.И. Герцен феномен цареубийства и переворота объяснял необходимостью борьбы с неограниченным самодержавием и тиранией. Он пришел к выводу, что русская мысль молчаливо соглашалась с цареубийствами.

По мнению петрашевцев, самодержавие недостойно человека. Оно порождает произвол и деспотизм. Петрашевцы отрицали божественное происхождение царской власти и открыто обсуждали возможность цареубийства. Они считали, что царь, который забыл свой долг, является слугой сатаны.

Таким образом, в радикальном крыле русской общественной мысли XIX в. процесс десакрализации царской власти проявился в отрицании ее божественного происхождения, в смене этических акцентов (добро — зло), в допущении возможности цареубийства и в критике ее конкретных мероприятий. Таковы были первые симптомы проявления десакрализации императорской власти, которая в начале XX в. приобрела необратимый характер. Это стало главным фактором, предопределившим ее крушение в 1917 г.